

Теперь вернемся к Костику. Автор исходит из того, что он – феномен юродивого, феномен человека, который воспринимался окружающими как обладатель Божьего дара предвидеть и предсказывать, исцелять и совершать немыслимые поступки вроде «хождения по водам». Все это, повторюсь, возможно только в обществе, где большинство людей являются глубоко верующими. Для глубоко верующих людей так же характерны и различные видения религиозного характера, случившееся с дедом П. И. Шевченко, который видел Костика спускающимся на колеснице с небес. Глубоковерующие люди такие видения не подвергают сомнениям, они для них являются частью реального мира, они по вводу этих видений не начинают рефлексировать и пытаться объяснить их каким-то рациональным способом типа галлюцинаций.

Но надо сказать и другое. Если читатели решили, что автор считает предсказания и трактует все поступки Костика так, как они воспринимались очевидцами, то они ошибаются. Все собранные рассказы о Костике воспринимаются как данность, как восприятие случившегося теми, кто все это видел или слышал и пересказал случившееся как информатор. Автор подвергает сомнениям трактовку очевидцев событий, происходивших с Костилом. Более того, автор допускает, что некоторые читатели, умные, критически мыслящие, просвещенные и имеющие доступ к Википедии, могут считать, Костик иногда мог инсценировать исполнение своих предсказаний. Читатель, несомненно, вправе считать, что Костик мог доносить на тех, кто ему не понравился и потом с ними скучалось то, что он предсказывал. Например, так читатель может подумать о том случае, когда Костик кричал дочке Борозенец, учительнице, которая пряталась от оккупантов: «Архангельск! Архангельск!». Кто-то может допустить, что Костик после этого зашел в сельскую управу и донес на учительницу полиция. И в случае с «воскрешением» Хрыньки (Христины) читатель вправе допустить, что на некоторое время больная женщина теряла сознание